

СТЕНОГРАММА
заседания круглого стола Аналитического Совета
Фонда «Единство во имя России»
22 декабря 2004 года

РОССИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вячеслав Никонов. Сегодня мы обсуждаем крайне важную тему — Россия в поисках идентичности. В качестве докладчиков выступают лауреаты и призеры конкурса интеллектуальных проектов «Идеи для России».

Игорь Чубайс. Страна переживает полисистемный кризис — экономический, управленческий, военный и т.д. Наиболее остро воспринимается кризис экономический, многим просто не на что жить. Но самый глубокий — кризис идейный: мы не понимаем, кто мы, мы утратили свою идентичность. На обыденном, повседневном уровне это проявляется в периодически возникающих стихийных дискуссиях. То мы спорили, выносить ли тело Ленина из Мавзолея или нет; потом стали спорить, восстанавливать ли памятник Дзержинскому, и т.д. Самый последний пример — полемика вокруг отмены праздника 7 ноября. Одни совершенно искренне говорят, что это — их праздник, и они будут всегда отмечать этот день. Другие не менее искренне считают 7 ноября днем трагедии. Все подобные дискуссии фактически означают, что мы не разобрались ни в Дзержинском, ни в самих себе.

О проблеме идентификационного кризиса начали говорить уже во время перестройки и еще громче — после 1991 года. После распада СССР стало очевидно, что старые правила не действуют. Первое время все радовались избавлению от лжи и обмана, радовались тому, что теперь мы свободны и можем делать все, что хотим. Но достаточно быстро обозначилась потребность в неких новых, нормальных правилах. Однако их не было. В обыденном языке эта ситуация получила очень точное название — беспредел. Сам термин пришел из уголовного мира, но в данном случае действительно обогатил наш язык. Когда исчезли все правила, то стало можно все. Но это значит, что на самом деле нельзя ничего.

Возможны три варианта выхода из такой ситуации. Согласно первому, новая Россия должна стать новым, улучшенным, исправленным изданием СССР, пусть и в суженных границах. Существуют значительные массы электората и партии, такой вариант поддерживающие.

Согласно второму варианту, новая Россия должна отказаться от всей своей истории, в которой все было неправильно и в первую тысячу лет, и в советский период. Поэтому нужно копировать Запад. За такой путь выступает Союз правых сил со своими немногочисленными избирателями.

Третий вариант решения — это не возвращение в СССР и не уход на Запад, а наше самовоссоединение с тысячелетней Россией. Здесь нужно несколько пояснений. Многие думают, будто проблема восстановления идентичности появилась тогда, когда Ельцин летом 1996-го объявил перед телекамерой, что нужна национальная идея. Другие относят ее возникновение к 1991-му, когда распался СССР. На самом деле проблема идентичности, проблема идейного кризиса обозначилась уже к концу XIX века. Достоевский, самый гениальный наш провидец, ввел понятие «русская идея», когда почувствовал, что именно здесь заключена суть кризиса. Эту линию продолжили Вл. Соловьев, Бердяев, все русские мыслители.

Кризис рубежа XIX-XX веков и был кризисом идентичности. Одна из стратегий его преодоления состояла в том, чтобы игнорировать сам кризис, ничего не менять и идти старым путем; в значительной степени ее отстаивал император. Другая – в политике реформ, связанной с именем Столыпина. Третья исходила из того, что раз в стране все зашаталось, все ломается, то нужно до основания разрушить прежнее государство и начать создавать на его месте нечто совершенно новое. В начале XX века и победила эта третья, радикальная стратегия с отказом от всей прежней истории страны. Всем понятен смысл термина «железный занавес»: СССР был отделен от внешнего мира. Гораздо менее отчетливо мы понимаем, что после 1917-го под страну был вбит новый красный фундамент и мы оторваны от собственных корней.

Восстановление российской идентичности — не возвращение в XIX век, но вписывание всех его живых идей в нашу современность, в XXI век. Подчеркну, что восстановление преемства, самовоссоединение с тысячелетней исторической Россией — есть одновременно и возвращение в Европу. Это не самозамкнутость. Россия всегда была частью Европы, всегда была открытой страной. Здесь с XIV века существовали немецкие, армянские, польские и т.д. слободы.

Было бы странно, если бы так думал я один. Существует целая научная школа преемства: десятки юристов, историков, культурологов, религиоведов, философов, которые разрабатывают конкретные алгоритмы восстановления такого преемства. Но вряд ли многие о ней слышали. У нас пишут о коррупции, о бандитизме, о чем угодно, но только не о сегодняшней духовной жизни.

Теперь о последнем, четвертом варианте, который сегодня и реализуется на практике — попытаться двигаться одновременно по всем трем направлениям: и в западном, и в советском, и в российском.

Когда отменяют льготы старикам, объясняют: сколько же можно жить в СССР, хватит, мы переходим к монетизации. Когда устанавливают памятник Брежневу, говорят: это же наша история, ее нельзя забывать. Причем предполагается, что Брежневу ставить памятник можно, а Колчаку — нельзя. Когда наших руководителей показывают стоящими в церкви перед иконами, то как бы напоминают нам, что живем мы не в СССР, а в

тысячелетней России. Но если нужно, покажут их на саммите «восьмерки», представив Россию частью Запада.

К сожалению, такое движение сразу в трех направлениях — вариант стратегически бесперспективный.

Обычно наш политический спектр делят на левых, правых и центр, хотя сплошь и рядом совершенно непонятно, кто такие наши левые, наши правые, наши центристы и чего все они хотят. Но очень многое прояснилось бы, если положить в основу классификации отношение партий к восстановлению национальной идентичности: кто за возвращение в СССР; кто за слияние с Западом; кто за воссоединение с тысячелетней Россией; и кто предпочитает винегрет.

Такая классификация кажется весьма работоспособной и продуктивной.

Георгий Киреев. Старые консолидирующие идеалы и даже фетиши утеряны, новые еще не обретены. Это воспринимается как утрата национальной самобытности. С другой стороны, трудно не видеть, что именно практика устройства российского общебытия во многом обуславливает наше отставание на фоне более динамично развивающихся цивилизаций. Поэтому не меньшее значение имеет наша системная самоидентификация на основе совокупного социального, экономического, политического опыта других сообществ.

Мы слишком долго жили под влиянием идеологии, которая исходила из того, что наше движение есть априори движение совершенства к совершенству. Отсюда и наша иррациональная тяга к фетишизации собственной судьбы, в основе которой — представление о своем уникальном предназначении, являвшееся обоснованием наших претензий на лидерство в мировом сообществе. Именно поэтому мы не всегда адекватно воспринимаем системные проблемы собственного национального мироустройства.

Мы должны быстрее переходить к идеологии развития, которая предполагает признание несовершенства традиции национального мироустройства. Не вижу здесь никакого повода для утраты национальной уверенности и посыпания головы пеплом, а, напротив, стимул к позитивному движению и усвоению более успешного опыта.

Один из самых серьезных вызовов, с которым столкнулась современная Россия, — стремительная утрата конкурентоспособности. Речь идет не о конкурентоспособности отдельных отраслей и даже экономики в целом. Мы должны озаботиться тем, что у нас никогда не было и нет эффективной системы организации национальной жизнедеятельности. Причем по мере возрастания коммуникативных возможностей и либерализации перемещения людей мы все более и более будем ощущать не только традиционную экономическую и геополитическую конкуренцию, но и конкуренцию за эмиграцию, за граждан.

Человек стремится жить в такой социокультурной среде, которая дает больше возможностей для удовлетворения его основных чаяний. Эти чаяния просты и неизменны

с того самого времени, как человек осознал себя как существо общественное: безопасность, стабильный достаток, самореализация в обществе.

Территориально-политическая интеграция, либерализация экономических, финансовых систем, революция в сфере коммуникаций сделали самой эффективной формой воздействия на социально-политическое устройство общества голосование ногами. Страну, которая оказывается неконкурентоспособной, покидают наиболее активные граждане, она лишается интеллектуальной, культурной, спортивной элит. Ее финансовую систему истощает утечка капиталов, не сбалансированная встречным инвестиционным потоком. Ее недра опустошает интенсивный вывоз сырья, неизбежный в силу дефицита современных производственных мощностей, технологий и патентных прав. Легально и нелегально люди, деньги, технологии, идеи, изобретения, сырье стремятся туда, где для них созданы более благоприятные условия. И это стремление уже не сдерживается ни запретами на свободу передвижения, ни идеологическими разногласиями, ни даже патриотизмом.

Для людей моего поколения среди всех потерь, разочарований, смятенных чувств, вызванных превратностями 1990-х, одно из самых саднящих чувств – это чувство горечи от осознания величайшей нелепости российской действительности: как получилось, что мы так бездарно использовали свои возможности, что наше состояние столь стыдно не соотносимо могучему потенциалу?

Благополучие и позитивный динамизм любой национально-культурной общности давно уже не зависят ни от природных богатств, ни от климата, ни от территории. Но и в области активного использования конкурентного опыта и технологий разрыв между определенными группами стран не только не уменьшается, но и становится все более угрожающим. Одно из наиболее реалистических объяснений заключается в том, что динамика развития нации определяется не только конкурентными технологиями, обеспечивающими доминирование на мировых рынках, но и самой способностью эффективно их использовать, то есть всей системой общественной самоорганизации.

Главный фактор динамического развития — это свобода гражданской инициативы, сбалансированность либерального и социального начал, последовательное демократическое устройство, развитая система общественного контроля над властью, национальная идея как одухотворенная воля нации, способность к восприятию опыта успешных сообществ.

Государственность западных наций есть продукт гражданского общества. Наше же государство всегда ставило перед собой чисто политические цели: территориальная и идеологическая экспансия, сохранение статуса великой державы и т.д. Реальное благосостояние общества и качество жизни населения интересовало государство только в той степени, насколько сопягались с державными целями.

Как на уровне государственной политики, так и на уровне общественного сознания мы склонны к схемам власти, основанным на принципах чрезмерного государственного патернализма, а не свободной гражданской инициативы и предприимчивости.

Краеугольной основой западного мироустройства в отличие от нас служит сочетание государственности и гражданственности. У нас эта золотая пропорция не соблюдается. Государство должно быть сильным только там, где оно должно быть сильным – в обеспечении главенства закона и равенства перед законом; в гарантировании безопасности граждан и защиты собственности; в развитии инфраструктуры и стимулировании технологических и научных разработок.

У нас нет иммунной защиты в виде развитого института общественного контроля над действующей властью. У нас всегда существовала перевернутая с ног на голову система, в которой не общество контролирует власть, а власть контролирует общество.

В России, к сожалению, никогда не было и нет продуктивных национальных идей. У нас были только доктрины политических властителей и теории интеллектуальной элиты, влияние которых не проникало вглубь общества. Исконная же наша национальная идея сформулирована еще Константином Аксаковым: «Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет».

Даже обширные просторы не стали основой нашего благоденствия. Напротив, усилия, которые мы на протяжении всей своей истории затрачивали на вовлечение новых территорий в хозяйственную и административный оборот, лишь истощали нас. Сил и средств на продуктивное освоение этих территорий не оставалось.

Основные ресурсы, которыми располагает Россия: нефть, газ, руды металлов, — определяют монополистический характер нашего капитализма, в силу чего наша экономика не эффективна и не благоприятствует равномерному распределению доходов, а значит, и не может служить основой для развития демократических начал.

Проигрывая Западу, мы не способны конкурировать и с Востоком. У нас нет необходимой для этого духовной консолидации, которая обеспечивает в Азии ислам, либо традиции китайской цивилизации.

Сегодня любят повторять, что новая общественная система в России строится с учетом традиций и национальной специфики, то есть так же, как строилась в других странах. Однако зададимся вопросом: что именно целесообразно брать из российских традиций устройства общественно-политической жизни, учитывая, что они во многом принципиально отличаются от опыта старых западных демократий. Не берем ли мы как раз то, что постоянно обрекало Россию на неконкурентоспособность, затрудняя развитие экономики, обеспечение народного благосостояния и безопасности? Не приведет ли попытка ответить на новые вызовы традиционными методами лишь к воспроизводству опыта нашей прежней неуспешности?

Может быть, продуктивнее будет наша последовательная идентификация с системным опытом уже доказавших свою позитивную динамичность сообществ. Уверен,

что действительно великие традиции российского народа не дадут нам при этом потерять национальную самобытность и позволят занять действительно лидерские позиции.

Андрей Столяров. Вполне очевидно, что в будущем форматировать мир станут несколько великих держав: США, Евросоюз, Китай, возможно, еще и Япония и некоторые другие. Они будут создавать именно такую реальность, которая нужна им самим. Все остальные страны и регионы окажутся объектами, пассивными участниками истории и будут вынуждены ориентироваться на лидеров.

Не менее очевидно, что Россия в нынешнем положении может претендовать только на роль ведомого. С другой стороны, у нас есть некоторые шансы и данные для статуса сверхдержавы. Это интеллектуальный ресурс, наличия которого никто не отрицает, и ресурс сырьевой, причем способный поддерживать экономику сколь угодно высокого уровня.

Сдерживают же продвижение России два принципиальных ограничения.

Во-первых, нам не модернизировать свою экономику, не обновить фонды и коммуникации, не развернуть новые технологии — нет денег. Требуемая сумма столь велика, что взять ее негде, никто нам ее не даст. Мы можем делать все только по частям и за очень долгий срок.

Во-вторых, идет депопуляция, вступают в жизнь малочисленные поколения — нет людей. В такой ситуации оказалась одна Россия: страны Востока и Юга сохраняют традиционно высокую рождаемость и могут развивать экономику экстенсивным путем, а в странах Запада новые технологии уже развернуты, и демографический кризис, несмотря на всю публицистическую панику, их не слишком волнует.

В ситуации, когда нет ни денег, ни людей, находится только Россия. Но выход из тупика есть. За последнее десятилетие реальность действительно принципиально изменилась. Помимо великих держав, в истории появились совершенно новые субъекты — это эмиграция или мировые диаспоры, которые образованы людскими течениями, мощными антропотоками, которые сейчас перемещаются с континента на континент. Еврейская мировая диаспора держит на плаву государство Израиль. Больше половины инвестиций, которые идут в Китай, — желтый капитал, деньги китайских диаспор, укорененных по всему миру. Общеизвестна активность армянской и польской диаспор в лоббировании своих интересов на Западе.

У России в данном смысле — уникальное положение. В силу своей не слишком счастливой истории она породила несколько мощных эмиграционных волн, рассеявшихся по всему миру. Общая численность русской диаспоры оценивается в 40-50 миллионов человек. Это очень большой ресурс, тем более что на Западе русские эмигранты укоренились в высокоразвитых странах. В ключевых отраслях западной экономики фактически сложился целый класс русскоязычных профессионалов, образовалась новая

субкультура — русскоязычная культура Запада. И как всякая молодая культура, она обладает повышенной пассионарностью.

Как раз этого не хватает нам. И если объединить диаспору и метрополию, эмиграцию и Россию в некую новую геокультурную общность, шансы русского мира на продвижение были бы очень высоки.

Кстати, не меньшим потенциалом обладает и русская диаспора в странах СНГ, просто она находится в латентном состоянии в силу обычно националистической политики стран пребывания. Но и сейчас 70 процентов бизнеса Латвии — русскоязычный бизнес, бизнес тех, кто пусть бессознательно, только через язык, идентифицируют себя с Россией. 25 миллионов русскоговорящих в странах Балтии и СНГ — очень большая сила. И если эти люди почувствуют реальную поддержку со стороны России, то смогут стать проводниками ее интересов, причем проводниками цивилизованными, не нарушающими никаких местных законов и действующими абсолютно демократическими, гражданскими методами.

Что такое национальная идея? Это тот общий смысл, который объединяет смыслы личные. Отсюда — сложение сил, отсюда — энергетический резонанс, который способствует прорыву. Нет общей идеи, нет согласования смыслов — векторы личной активности разнонаправлены, гасят друг друга: личная пассионарность в обществе есть, а социальной, результирующей пассионарности — нет. Именно это мы сейчас и наблюдаем.

Причем национальная идея не может быть произвольной, ее нельзя взять с потолка, она обязательно должна сопрягаться с теми масштабными процессами, которые сейчас идут в истории.

Глобализация сделала государственные границы прозрачными. Сквозь них проходят люди, капиталы, идеи, технологии, их уже не удержать. Мы видим кризис национального государства. На повестке дня стоит возникновение государственности нового типа, с образованием громадных дисперсных этносов, своего рода геоэкономических вселенных. Именно в силу специфики своей истории Россия может оказаться в авангарде этого исторического процесса.

Вячеслав Никонов. Повсюду, включая крупнейшие западные страны, есть чьи угодно лобби: украинские, тайваньские, саудовские и т.д., но почему-то нет лобби российских. Хотя сейчас впервые за многие десятилетия та часть русского мира, которая находится за пределами нашей страны, настроена в отношении России весьма позитивно, чего не было в советские времена.

Чимиза Даргын-оол. Для решения проблемы культурных факторов социального развития необходимо углубляться в материалы многих дисциплин: этнографии, социологии, психологии, антропологии. Гуманитарий, особенно обществовед, не должен

вариться в соку собственной науки. Его задача состоит не только в том, чтобы осмысливать современность, учитывать опыт прошлого и строить прогнозы на будущее, но и отдавать свое знание, то есть находиться в диалоге с общественностью, разговаривать с ней именно здесь и сейчас.

К сожалению, как раз этого многие ученые-гуманитарии и не умеют. Часто говорят, будто власть не слышит интеллигенцию, не слышит ученых. Это не совсем так. Если у вас действительно есть что сказать, вас всегда услышат.

Не хочу указывать другим, что и как надо делать, просто сошлюсь на собственный опыт. Защитив диссертацию по проблемам влияния культурных традиций на общественное развитие, я стала работать и в журналистике: в тувинской газете «Центр Азии» и в ряде московских изданий. Естественно, у каждого народа есть свои плюсы и минусы. Когда я пишу для своих земляков, всегда стараюсь анализировать каждое значимое событие общественной жизни с учетом нашего национального характера и особенностей поведения. И, как показывают отклики, такой разговор очень нужен. Он заставляет людей думать самостоятельно, а не полагаться на политиков и политтехнологов.

Мне кажется, критерием качества гуманитарных исследований, аналитических и идеологических схем должна быть понятность, доступность и востребованность обществом.

Александр Ципко. Мы обсуждаем выбор российской идентичности. Давайте для начала точно договоримся о понятиях. Игорь Чубайс говорил о русском пути и путях не особо русских, о России как Евразии, о России догоняющей Европу, о России как православной части Европы — все это проблемы цивилизационной идентичности.

Другой вопрос — идентичность формационная. Где мы сейчас живем? Что такое нынешняя Россия, наше современное самосознание, то, как мы идентифицируем? Почему мы одновременно любим Деникина и оставили мавзолей Ленина? Согласен, это самая тяжелая проблема новой российской идентичности.

Почему не объединяется русский мир, о котором говорил Андрей Столяров? Потому что нет исходного, нет самой русской идентичности. Есть идентичность, допустим, греческая; есть более или менее размытая еврейская идентичность; появилась даже, как мы увидели месяц назад, украинская идентичность. А русской идентичности — нет. И в этом вся проблема. Величайшая проблема.

Андрей Столяров. Так давайте эту идентичность создадим!

Александр Ципко. По крайней мере, давайте определим предмет. В чем может состоять русская идентичность? За что здесь зацепиться? «Русский» как титульная нация? Российская Федерация так и выделялась из СССР, предопределив его распад –

через идею создания особых «русской академии наук», «русских школ», «русского КГБ» и т.п. Кто все это придумал? Почвенники — Распутин, Ганичев и другие. Но это совершенно архаическая, доимперская форма идентичности, на которую просто наложились советские границы. И такая идентичность лопнула, не получилась, потому что национальную Россию нельзя создать тем же путем, каким были созданы национальные Эстония, Литва или Латвия.

Ничего не получается и с гражданской идентичностью. Нельзя создать политическую нацию Российской Федерации из разноплеменных народов, которые находятся еще и на разных уровнях цивилизационного развития. Между тем маховик национально-этнической идентификации уже запущен.

Во всяком случае, нельзя забывать, как мы сломались на великорусском сепаратизме и сломали страну, выбросив за ее пределы не только не только украинцев и белоруссов, но и значительную часть русских, живших вне границ РСФСР.

Глеб Павловский. Поддерживаю саму идею интеллектуального проекта. Все мы нуждаемся в переходе от обмена мнениями — как правило, мнениями по поводу уже свершившихся фактов, к чему мы как-то незаметно привыкли в постсоветский период, — к созданию проектов. Проект по определению предполагает возможность своей реализации.

Идея проекта, то есть слова, еще не является собственно проектом. Проект предполагает наличие некой инфраструктуры, путей и способов превращения идеи в реальность. А у нас часто выдвигают лишь идеи, исходя, видимо, из предположения, что потом некто другой должен эту идею принять и даже каким-то образом реализовывать.

Отсутствующее проектное мышление нередко пытаются подменить эрудицией и образованностью, при всяком удобном случае тыкая ими в морду оппоненту. К сожалению, это стало стандартом современных дискуссий, невежественных и некомпетентных. Между тем норма компетентности определяется как раз по реализуемости идеи в отдельных проектных узлах или даже в целых проектах.

Я бы возразил призывам Александра Ципко к точности и однозначности понятий. Все русское по определению сложно и противоречиво. Тем не менее Россия — реальность. Такая, какая есть — сложная, противоречивая, полная самых взаимоуничтожающих факторов. Однако мы худо-бедно научились хотя бы иногда не давать ходу факторам самоуничтожения.

Говоря об идентичности, нужно помнить, что обладает ею субъект. Чья именно идентичность имеется в виду? Вопрос о субъекте вообще становится центральным для всех сегодняшних и завтрашних политических проектов.

Если мы всерьез заговорили о внутренней идентичности России, придется не менее серьезно ставить вопрос и о России как предмете и как проблеме проектирования. То, что в каком-то виде, с какими-то элементами государственности она состоялась —

лишь некий факт, но отнюдь еще не окончательная реальность. Как мы ощущаем, реальность России сейчас испытывается на прочность. И пока нет никаких гарантий того, что ее прочность как системы инструментов и институтов окажется достаточной.

Мне кажется, действовать нужно по двум основным направлениям. Во-первых, осознать Россию как предмет изучения: как некую очень сложную реальность, не всегда и не во всем сбалансированную, искажающую другие факторы и традиции, пропуская их через себя, — но, тем не менее, реальность, которую нужно изучать в школе, в университете и т.д. Во-вторых, осознать, что Россия – проект мировой, его нельзя сконструировать как нечто чисто доморощенное и внутринациональное. Само понятие российской нации тоже нельзя сформулировать вне мирового контекста, у нас просто ничего не получится.

Иначе мы действительно все время станем выходить на какие-то лапотные варианты.

Вячеслав Никонов. Как показал Глеб Павловский, вопрос стоит крайне остро: «А будет ли вообще то, идентичность чего мы хотим отыскать?». Иначе говоря, успеем ли мы найти свою идентичность? Вопрос, к сожалению, не праздный, что придает нашему обсуждению дополнительную актуальность.

Алексей Кива. Действительно, проблема идентичности – это проблема ее субъекта. Кто мы — русские, россияне, европейцы, евразийцы? Как получилось так, что за XX век мы совершили несколько революций, причем противоположной направленности?

До Первой мировой войны Россия развивалась чрезвычайно быстро, молодой капитализм имел огромные ресурсы для своего развития, демографические перспективы были самыми благоприятными. Но мы все поломали, уничтожили верхушку нации, ослабили ее генофонд. Затем колоссальными усилиями создали вторую в мире сверхдержаву, но поломали и ее, причем так, что уже 15 лет не можем выйти из провала. Как не смогли остановиться в 1917-м, после Февральской революции, так не остановились и в конце XX века. Любой европейский народ остановился бы на демократической революции, но мы всякий раз заходим дальше. Что это, случайность или же страсть к саморазрушению – архетип нашего коллективного бессознательного? Вопрос тоже не праздный, поскольку нет никакой гарантии, что когда мы пойдем в гору, мы опять все не переломаем.

Где сбит код развития этноса? Видимо, русская нация просто не успела сформироваться. Иначе Петру не удалось бы переломить страну, навязав ей совершенно новую культуру. Хотя сами реформы Петра были неизбежны, потому что до них Россия была слабее Турции и ее национальная независимость не была защищена ни с Запада, ни с Востока. Но достаточно перечитать первое философическое письмо Чаадаева,

чтобы убедиться в точности его диагноза: ходим по кругу; идеи наши не вытекают одна из другой; пытаемся заимствовать готовые вещи, не понимая процесса ступенчатой эволюции, и не можем внедрять достижения Запада так, как внедряли их у себя японцы или китайцы. В результате мы растем, но не развиваемся.

Не воспроизводится ли вся эта траектория послепетровского развития сейчас, после демократической революции 1990-х, когда мы опять шарахнулись в сторону Запада и вновь пытаемся подогнать все под чужие стандарты? Придумали этот «общеевропейский дом», где нас никто не ждет, да и сами мы не готовы туда войти.

Не лучше ли занять естественную нишу страны, лежащей на стыке Европы и Азии? Тем более что Азия давно уже не та, что раньше. Сейчас это – очень динамично развивающийся регион.

Александр Беляков. Только вчера вернулся из Республики Коми, где проходило выездное заседание нашего комитета по природным ресурсам. Там есть село, куда в незапамятные времена пришли жить староверы, их было всего 30 человек, но их потомки до сих пор сохранили свою культуру, обычаи и порядки, никому не позволив изменить их. И никакой бессознательной страсти к саморазрушению у этих трудолюбивых людей не наблюдается. Напротив, ими гордится вся республика – и не только как этнографической достопримечательностью. Там, например, никто не употребляет наркотиков.

Россия – страна многонациональная. Но когда мы приезжаем в Америку, всех нас называют там «русскими». Это слово означает для американцев «человек из России» и ничего другого.

Поэтому дело не в генетическом коде развития этноса. Проблемы с идентичностью возникли потому, что в ходе нашей революции 1990-х, которая действительно назрела, мы неверно поставили ориентиры, перепутав цель и средства. Поставь мы во главе всего человека и его жизненные потребности, все пошло бы совсем иначе. Но мы сделали целью революции рынок, а человека — средством достижения этой цели. И пока мы не осознаем, что главное в нашем государстве – это человек и гражданин, мы и будем обречены на разрушение.

Китай придерживается философии шагов, ступеней, как тут говорилось. А мы дважды, в 1917-м и в 1991-м, перепрыгнули через одну и ту же ступень государственного капитализма. И оба раза до добра такой прыжок не довел. Нужно вернуться на эту ступень и пройти ее нормальным путем.

Государственный капитализм — это участие государства в развитии общества по поручению народа. Но наши люди не были свободны ни при царях, ни при коммунистах, как не свободны и сегодня. Сегодня власть – не царская, не коммунистическая, а бюрократическая. И не власть служит народу, а народ служит власти. И пока мы не изменим эту ситуацию на противоположную, никакой идентичности у народа не появится.

Я практик, а не философ, и приведу конкретный пример. Сейчас в стране фактически ликвидируется среднее техническое образование. Но это означает разрушение среднего класса, потому что в его основе — высококвалифицированные рабочие и низшее звено руководителей, те бригадиры и мастера, без которых на производстве не сделаешь ничего. В лесу сегодня работают сложнейшие машины, «Харвестеры» по 500 тысяч долларов каждый. Кто завтра будет на них работать? Ведь если мы не посадим за такую машину профессионального работника, подготовив его в техникуме, мы вообще не добудем никакого леса, с пилой туда уже никто не пойдет. Но мы сами себя разрушаем и закрываем себе будущее.

Причем деньги в России есть. Одному только «ЮКОСу» насчитали 20 миллиардов долларов недоплаченных налогов, но в этой цепочке не один только «ЮКОС». Если бы мы создали условия для инвестиционного процесса, Россия могла бы не иметь прирост ВВП не в 6,7 процента, а процентов в 14. Это вполне реальная цифра, уверяю вас, я знаю, что такое наши природные ресурсы, сколько они стоят и что из них можно получить. Но для этого нужно поступиться либеральными принципами и вернуться к госкапитализму. Иначе будущего страны не построить.

Вячеслав Никонов. У нас даже не 20 миллиардов, а 130 миллиардов сейчас лежат в обесценивающихся долларах. Не тратят их потому, что это будто бы стимулирует инфляцию.

Борис Макаренко. В большинстве случаев коллеги, рассуждая о национальной идентичности, обходят такую известную западную теорию строительства нации, как мифологичность (нация как вымышленное сообщество — Б. Андерсен; нация как достаточно большое число людей, верящих в свою принадлежность к этой нации — Х. Сетон-Ватсон). На мой взгляд, именно поэтому у нас и не могут сформулировать национальную идею. Потому что национальная идея — это ответ на вопрос, куда мы идем и зачем мы. А ответить на него нельзя, если не сказать, кто мы и откуда. Это и есть национальный миф.

Национальный миф существует во всех странах — через символы, через пантеон героев, совокупность памятников, которые стоят на площадях, через ритуалы, праздники, наконец, через историю страны, как она изложена в школьных учебниках. На эту тему есть блестящая работа французского социолога М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира».

А у нас с национальным мифом последние 15 лет серьезные проблемы. Такой цельный миф был у Российской империи, был и у СССР — идеологически похабный, но абсолютно инструментальный. Все те функции, которые должен выполнять национальный миф, советский коммунистический миф выполнял. У него была только одна проблема — манкуртовщина.

Манкуртовщина, то есть забвение определенных эпизодов истории есть в каждом национальном мифе, везде что-то прячется, но столь системно, как в СССР, историю еще не вычищали. Причем ту же схему унаследовал ельцинский постсоветский режим, который начал с того, что полностью поставил знак минус на всем советском. В значительной степени, хотя и в более мягкой форме, это происходит и в сегодняшней России.

Мы не подошли к созданию национального мифа, не объединили нацию идеологически потому, что либо не хотим строить мифы, либо не понимаем их важности, а если и пытаемся строить, то крайне неумело. Миф нельзя создать, миф нельзя навязать. Миф можно сконструировать усилиями политиков и гуманитарной интеллигенции, но сконструировать из того, что уже есть, из того, что разделяется обществом.

Что годилось бы на роль общенационального праздника? Общенародных праздников у нас три, из них Новый год и 8 марта не подходят. Остается одна дата, способная объединить нацию — 9 Мая. Но никак не 12 июня или 4 ноября.

Положа руку на сердце — кто из нас, не считая профессиональных русистов-медиевистов, еще несколько месяцев назад слышал, что такое 4 ноября и в какой именно день Минин и Пожарский вошли в Кремль? Тем более что вошли они туда 6 ноября, а князей там было даже двое, просто один потом оказался не в той политической партии. Ничего этого в сегодняшнем сознании нет. Но нам навязывают 4 ноября, для чего придется объяснить народу, что случилось в этот день почти 400 лет назад и сегодня никого, простите, абсолютно не колыхнет.

Вроде бы существует пантеон героев, и древних, и советских. Беда в другом: некого к этому пантеону добавить. Ни афганская, ни чеченская войны национальных героев не дали. То есть героев там было много, и свои ордена они заслужили, но только никого из них не мифологизировали. Не дали эти войны новых Александра Матросова, Николая Гастелло и Зои Космодемьянской, потому что никто не понимал, во имя чего совершаются подвиги.

Или задумайтесь над тем, что у нас сразу три высших государственных награды? Есть звезда Героя России — наследница высшей советской награды Героя Советского Союза. Есть и возрожденный орден Андрея Первозванного, высшая награда Российской империи. И есть тоже высший орден «За заслуги перед Отечеством», его первая степень является символом президентской власти и вручается президенту при инаугурации. Но трех высших орденов одновременно быть не может, высшая награда бывает только одной. Даже с этим мы до сих пор не смогли разобраться.

Еще одна иллюстрация того, насколько мы не умеем строить национальные мифы — наши учебники истории. Сами по себе они неплохие. Беда в том, что их авторы продолжают спорить друг с другом, а не учить детей, не внушать национальный миф новому поколению.

Задача мифологизации — это суммирование личных смыслов, личных стратегий, заимствуя выражение Андрея Столярова. Эта сумма должна быть максимальной, миф должен отталкивать минимальное число людей. Возобновленный советский гимн в этой роли не слишком хорош потому, что отталкивает хотя и меньшинство, но слишком заметное. Гимн, который существовал в 1990-х, не нравился очень многим, так что, на мой взгляд, лучшим вариантом для сегодняшней России была бы «Широка страна моя родная...», абсолютно узнаваемая мелодия с хорошими пафосными словами.

Примеры можно продолжать и далее, но закончу сейчас тем, с чего начал — пока мы не создадим национального мифа, пока не ответим на вопрос, кто мы и откуда, бессмысленно даже пытаться строить национальную идею, то есть объяснять, зачем мы и куда мы.

Игорь Чубайс. Представьте на минуту, что кто-то такую концепцию создал. Вы думаете, она кому-нибудь будет нужна?

Борис Макаренко. Я и говорил, что никому это не нужно. Национальная идея требуется для того, чтобы вести нацию вперед. Если политической элите это безразлично, все и будет делаться так, как делается у нас.

Вячеслав Никонов. На самом деле 4 ноября — это популярный праздник Казанской иконы Казанской Богородицы, на что, видимо, и был сделан главный расчет. А взятие Кремля в 1612 году имело место позже, но и на нем Смута далеко не закончилась.

Переходить еще и на «Широка страна моя родная...» — это, конечно, слишком. Символы тем и хороши, что существуют веками. А такие символы государства, которые меняются каждый год, действительно никому не нужны. Главная проблема нашей страны — то, что мы постоянно меняем все, в том числе и вещи, связанные с глубинной идентичностью. У нас нет преемственности символов, нет преемственности институтов.

Игорь Чубайс. Это и есть признак болезни.

Алексей Салмин. Это проявление не глубинных архетипов и стереотипов, а элементарного разгильдяйства. Посмотрите на нашу 500-рублевую купюру. На одной стороне — Соловецкий монастырь, но без крестов и куполов, то есть времен ГУЛАГа, куда пририсована лодочка XIX века. На другой — памятник Петру I с надписью «Архангельск», хотя на самом деле это памятник в Таганроге, с его характерным постаментом.

Вячеслав Никонов. Но это тоже национальная особенность, которая называется «к черту детали!». Таганрог, Архангельск — какая разница.

Леонид Фукс. Очень хочется пожить при демократии, в стране, где человек интересен другим и самому себе. Но впечатление такое (и об этом сегодня уже не раз говорили), что у нас стараются построить демократию без людей и без учета того, чего они сами хотят.

Примеры из моей специальности – географии - людей у нас расселяли то «равномерно», разрывая связи между регионами и поселениями, выводя из урбанизированного, плотно заселенного ядра России на окраины, то стремились заполнить ими неудобные территории, бросая людей на Север или на целину. Так было и прежде. Незадолго за гибели Столыпин отправился в Сибирь проверить, как реализуются его планы равномерного заселения громадных пространств Сибири. Но оказалось, что переселенцы жмутся к городам и к только что построенной железной дороге. Вернувшись в Петербург, Столыпин распорядился исправить положение и впредь давать безвозмездные ссуды лишь тем, кто селился в медвежьих углах.

Но зачем разобщать людей? В стране сложилось несколько мощных сгустков населения и инфраструктуры, которые подобно небесным телам притягивают к себе инвестиции и мигрантов. Именно здесь люди получают возможность реализовать себя и тем самым сделать страну другой. Там выше отдача от труда, там можно получить образование, там легче найти себя. Там не просто иные условия для технологического развития – в этой тесноте зарождается и то, что именуется гражданским обществом.

Идентичность, о которой здесь говорилось, способна возникнуть только в нем, а не в территориально разбросанных разобщенных общинах, которые и составляли нашу страну последние 300-400 лет.

Мне кажется, правовое государство предполагает не только регулирование финансово-хозяйственных отношений и норм поведения людей, но и учет всех тех закономерностей естественного развития, в том числе географического, которые способствуют притяжению людей друг к другу, упрочению связей между ними и становлению гражданского общества. Сложится такое общество, — будет у него и самоидентификация.

Вячеслав Никонов. Или, наоборот, будет идентичность – сложится и общество. Что здесь первично, однозначно сказать невозможно.

Ирина Осокина. Еще древние римляне называли демократию роскошью, которую могут позволить себе немногие. Мы должны еще дорасти до демократии, переделав себя так, чтобы ментально соответствовать ее институтам, а не просто учредить их под теми же названиями, какие есть в других странах. Мы берем чужой опыт и, не адаптируя его, переносим на свою почву, а потом удивляемся, почему он не работает. Потому что российская ментальность иная. Понять демократические институты мы вполне способны,

но все-таки предпочитаем возможность подать челобитную царю, как бы эта должность ни называлась. А изменить ментальность очень сложно. Для этого должно пройти время, для этого должно работать все общество.

Определиться с национальной идентичностью невозможно без того, чтобы Российская Федерация в лице своих руководителей, администрации, правительства четко позиционировалась бы как на внешней арене, так и внутри страны. Чтобы мы, наконец, осознали, что живем в глобальном взаимозависимом мире, ничто из происходящего внутри страны не проходит для него бесследно.

Россия — географически страна евразийская, но, каково ее место в системе экономических и ментальных координат? Где мы, с кем мы? В зависимости от ответа политиков и ученых на этот вопрос и определится сколько-нибудь внятный курс. Тогда можно будет строить то, чего не хватает сейчас стране — целостную, а не фрагментарную систему управления, которая не зависела бы от конкретных личностей и соответствовала бы нашим реальным производственным отношениям и производительным силам.

Мы все время плетемся в хвосте, реагируя на уже произошедшие события, на уже возникшие ситуации. Сами мы ни одной ситуации не создали, и это очень печально. На сегодняшний день единственная сфера, которая позиционирует нас в мире, где с нами считаются за рубежом, — это поле природных ресурсов. Мы практически не используем для позиционирования России во внешнем мире это единственное преимущество нашей страны. Потому что, к сожалению, ничто кроме природных ресурсов сейчас не привлекает иностранцев в нашу страну — ни ее технологические, ни интеллектуальные, ни иные возможности.

Без своих мифов, идиологов и национальных идей не обходится ни один народ. Но мне кажется, специфическая проблема нашей страны и нашего народа заключается в том, что все процессы у нас персонифицированы, завязаны на конкретную фигуру. У нас нет традиции плавного перехода вне зависимости от того, кто и в какой момент возглавляет государство. Именно поэтому мы более склонны к разрушению, чем к созиданию. «До основанья мы разрушим, а потом...». Мы всякий раз разрушаем до основанья, а потом получается плохо.

Вячеслав Никонов. «До основанья, а затем...» — не наш гимн. Что до привлекательности российских природных ресурсов, то они для Запада даже слишком уж привлекательны.

Елена Башкирова. В социологии есть понятия теоретического моделирования и эмпирического моделирования. Теоретическое моделирование — это начальный этап, на котором мы с вами сейчас и находимся. Собрали разных умных людей и спрашивают у них, что такое идентификация. Одни отвечают — мифы, другие — русский язык, третьи —

следствие воздействия природной среды на национальный характер и т.д. Все это важно, но вычлнить отсюда приоритеты нельзя. Только на стадии эмпирического моделирования, когда социологи опрашивают уже определенным образом подобранные целевые группы, можно говорить о фактически существующих в обществе приоритетах и потребностях.

Самый последний пример – с переносом праздников. По нашим исследованиям, 68 процентов населения страны были против отмены 7 ноября. Когда я привела такую цифру на телепередаче у Киры Прошутинской, где присутствовали готовившие это решение люди из правительства, они искренне удивились. По их данным, ровно те же 68 процентов (две трети с небольшим) перенос поддержали. Но только это были проценты не от населения, а от числа субъектов Федерации.

Выявить реальную идентификацию в ходе одного социологического исследования, конечно же, невозможно. Но повсюду с этой целью используют простой вопрос: с чем вы себя идентифицируете, куда относите себя в первую очередь: к миру, к Европе, к вашей стране, городу, местности?

И не нужно думать, будто все, допустим, французы относят себя к Европе. Более того, лишь порядка 30 процентов французов идентифицируют себя с Францией. В основном люди повсюду склонны соотносить себя с теми деревней или городом, где проживают.

Сергей Марков. Гомогенные страны потому и не мучаются над проблемой своей идентичности, что для них идентичность самоочевидна и сводится к их отличию от других стран. А Россия — принципиально гетерогенная, суперплюралистическая страна, причем с открытыми, непостоянными границами. Наши границы менялись не только в 1991-м, но и раньше, и не менее радикально.

Гетерогенная страна не содержит идентичности в самой себе. Идентичность задается ей извне. Именно поэтому в ее истории так велика роль личности, о чем здесь говорилось. Именно личность формулирует для страны некую цель, задачу, вокруг которой складывается общенациональная идентичность. В противном случае остаются лишь идентичности региональные.

Мне кажется, возникновение единой идентичности относится ко времени первой национальной революции в нашей стране, когда произошло ее отделение от татаро-монгольской империи. Словом «иго» я как политолог оперировать не могу. С последовавшим вскоре падением Константинополя и стало возможным описание нашей идентичности формулой «Москва — третий Рим». Эта идентичность единственного в мире православного царства была надэтнической и надрегиональной, что стимулировало возникновение на просторах Восточной Европы структуры именно имперского типа.

С выходом православной Московии на новые рубежи началось ее формирование уже в качестве мощной военно-политической европейской державы, контролирующей

достаточно большую часть Евразии. Эта задача была обозначена Петром I. Соответственно, сменилась и идентичность России. Теперь это была идентичность крупной европейской державы с сохранением внешних православных атрибутов.

Когда власть в России перешла к новой группе политиков, поставивших перед страной новую цель, формирование мирового коммунизма, под эту задачу была создана и новая идентичность — советский народ. Она конструировалась достаточно жесткими методами, но была вполне реальной. Однако как только прежние задачи ушли, советская идентичность распалась.

Как только перед народами Российской Федерации будет поставлена новая большая задача, новый большой проект, все сегодняшние проблемы с идентичностью исчезнут. Новая идентичность будет полностью формироваться этим новым большим проектом.

На сегодня я вижу несколько вариантов. Первый проект — стать обычным европейским народом. Он предполагает формирование новой России как национального государства и, соответственно, идентичности слаборазвитой европейской страны. Мы должны будем пригласить европейских профессоров, хорошо усвоить их лекции и сдать им экзамены. Именно по такому пути пытается сейчас пойти Украина.

Другой проект — это продолжение советских традиций на несколько обновленной идеологической основе: не СССР, противостоящий Западу, а Евразия, противостоящая Западу. Меня он мало вдохновляет, поскольку ведет к самоизоляции, а рассчитывать создать нечто лучшее, чем европейцы, достаточно трудно.

Лично мне ближе всего идея, неоднократно высказывавшая Виталием Третьяковым: Россия как один из трех центров евроатлантической цивилизации наряду с США и Евросоюзом. С одной стороны, подобный проект ориентирован на общие ценности этой цивилизации: демократия, свободный рынок, права личности. С другой — привносит в нее специфически русскую традицию духовности, во всем мире связываемую с именами Толстого и Достоевского. Иначе говоря, превращение в Европу с сохранением русской души.

Вячеслав Никонов. Положить толстовство в основу национальной идентичности... Предложение слишком хорошее, чтобы быть реальным.

Сергей Марков. Разрешите все-таки подчеркнуть главную мысль: в гетерогенной стране идентичность может быть задана только извне. Не надо прислушиваться к гулу народных масс и искать там идентичность. Мы должны собраться, решить вопрос в Администрации президента и через телеканалы рассказать всем о нашей новой идентичности.

Игорь Чубайс. Но это чудовищно, это же тоталитаризм. А русских в России сейчас в процентном отношении больше, чем евреев в Израиле. Наша страна гомогенна.

Вячеслав Никонов. Действительно, все национальные идеи – это идеи авторские, они не рождались в глубине масс. «Москва — Третий Рим» — авторская идея. «Самодержавие, православие, народность» — авторская. «Коммунизм — светлое будущее всего человечества» — тоже авторская. Все национальные идеи появляются сверху. И не только в России, а в любой стране.

Александр Ципко. Украинскую идею Грушевский придумал.

Леонид Григорьев. На секунду оставив в стороне политику, я бы напомнил о наших базисных национальных свойствах: стойкость в несчастье; неумеренность в радости; разухабистость в планировании. Поэтому лезть в Европу с русской душой, как только что предлагалось, совершенно невозможно, с нашими манерами там просто делать нечего.

Придется либо душу перестраивать под Европу, либо как-то по-своему европеизироваться на собственной территории, что вполне реально. Помнится, 15 лет назад казалось проблемой, откуда же у нас возьмется предпринимателям. Но оказалось, что тип личности, обладающий необходимыми для рыночной экономики задатками и навыками, очень успешно развился в недрах советского общества. Каждый наш человек — природный предприниматель, владеющий всеми приемами борьбы с системой за минимизацию налогов и обхода любых препятствий любой правовой системы. В этом отношении все, чей национальный характер был сформирован на территории СССР за последние 40 лет, будь то армяне, грузины, русские, евреи, азербайджанцы и т.д., абсолютно идентичны. Именно поэтому мы не сможем стать обычным европейским народом, одновременно сохранив какое бы то ни было своеобразие.

Мы любим описывать друг друга в трансграничных шутках. Шутки русских над украинцами и наоборот хорошо известны, но я приведу шутку глубоко западноевропейскую, разухабистых голландцев над экономными бельгийцами: «Как делается медная проволока? Даешь бельгийцу медный грош, а потом тянешь». Неужели мы в состоянии приблизиться к этому идеалу? Представьте, как Сергей Марков оглашает нечто подобное по телевизору. Не поймут его, скажут: «Да пошел ты с этими медными деньгами! В ночь все проиграю, утром допью».

Советский человек 1970-х, приехав в Америку со своими несчастными тремя долларами суточных, покупал за доллар гамбургер, но когда ему давали положенные 11 центов сдачи, пытался их не взять, не понимая, чего от него хотят. Наши люди подобными величинами не оперируют.

Поэтому давайте все-таки сами определимся со своими делами. Если мы хотим сохранить свою душу, свое своеобразие, свою литературу, свою идентичность, то не нужно копировать французов. Никогда мы не станем обычной европейской страной. Украина, возможно, станет. И тогда мы будем подшучивать над украинцами так же, как голландцы над бельгийцами.

Александр Ципко. Абсолютно то же самое говорят о себе поляки: «Мы не знаем меры, мы разухабистые, мы все сразу тратим и т.д.». Это общеславянские черты. Тем не менее Польша в Европу входит.

Елена Щедрина. Со стороны национальная идентичность действительно виднее. Во всяком случае, шутки и анекдоты одних народов о других передают ее весьма точно. За границей наших вычислят очень быстро, как бы мы ни говорили и выглядели. Возможно, формулу нашей идентичности лучше выводить не за этим «круглым столом», а пригласить представителей других стран, чтобы они о нас высказались, пусть даже в анекдотах.

Елена Башкирова. Уже приглашали, они высказались — ничего хорошего о русских не сказали.

Елена Щедрина. Так критику-то нужно принимать.

Теперь насчет ломки традиций. Как раз накануне ноябрьских праздников в телепередаче «В мире животных» показывали жизнь обезьян. Кстати, по ним очень хорошо видно, что такое иерархия и как она работает – это явление чисто животного уровня, причем интеллект конкретной особи практически не связан с ее местом в иерархии.

В числе прочего показали, как обезьяну научили различать треугольник, квадрат и круг, давая за правильный ответ банан. Но когда на ее глазах из проволочного треугольника сделали круг, обезьяна начала лупить себя по голове, кричать и даже бананы отказалась есть.

Точно такие же эксперименты ставились и в нашей стране. Ломаем психику людей, а потом удивляемся, почему народ все сметает и постоянно недоволен своей жизнью. Положили огромное количество людей во имя то одной, то другой идеи, но основной идеи — самого человека — неизменно знать не хотим. И это самое страшное.

Не стали мы лучше и сегодня. В очередной раз у нас много хороших идей, но мы все равно забываем про самого человека. Вместе с грязной водой прошлого мы постоянно сливаем и все хорошее, что было нажито другими поколениями, и начинаем все сначала. Еже хуже, что происходит все при жизни одного поколения. И люди перестают понимать, где круг, где треугольник, где квадрат.

Георгий Киреев. Все национальные идеи – и вправду идеи авторские. Но только Аксаков свою идею русского народа, который отделил себя от государства и государствовать не хочет, не сконструировал. Он лишь обозначил то, что есть на самом деле.

До демократии мы не доросли. Как ни неприятен нам этот тезис эмоционально, умом мы его понимаем. Но отсюда еще не следует, будто нужно подождать с демократией и потому усиливать государственный патернализм, государственный капитализм и т.п. до тех пор, пока мы до демократии не дорастем.

Мы никогда не сможем научиться демократии, если не будем жить в ней. Это самое важное. Да, к сожалению, мы слишком поздно заступаем на этот путь, но мы должны его пройти.

Со школьной скамьи мы привыкли слышать о Петре I, прорубившем «окно в Европу». На самом деле Петр создал в стране классический образец азиатской деспотии, который мы, к сожалению, постоянно воспроизводим. Как напомнил Алексей Кива, ходим по кругу. Именно потому и ходим, что воспроизводим неуспешный системный опыт и никак не можем от него избавиться.

Не в том проблема, как и насколько похожими на бельгийцев или французов мы сможем стать. Уже приводился пример поляков, а сам я живу рядом с Финляндией и могу сказать, что очень многие черты финнов тоже напоминают наши собственные. Тем не менее и поляки, и финны живут совсем по-другому. Проблема в том, чтобы взять некую системность, которая присуща более успешным нациям, и при этом сохранить свое национальное лицо, не исключая разухабистости и прочего, как ни парадоксально это звучит.

Андрей Столяров. Хотелось бы, чтобы сегодняшнее заседание имело какой-то практический смысл. Возможно, я слишком идеалистически настроен, но есть такое желание.

Известна решетка Гордона Ли для простых чисел. Просеиваешь через нее числа, и остаются одни простые. Существуют национальные особенности России, достаточно очевидные, — так давайте систематизируем их и сопоставим с наличествующей с реальностью. Давайте посмотрим, вписываются они в либерализм или не вписываются. Что толку сегодня спорить о демократии, если мы не знаем, какая демократия нам нужна.

Ну, не хочет народ западной демократии, это факт. Все меньше людей ходит голосовать. Что тогда делать? Возможно, строить цензовую демократию, где цензом будет служить уровень образования. Пусть голосует любой желающий, но только сдав предварительно экзамен по теории государства и права и основам экономики. А кто не хочет голосовать – пусть не ходит. Никакого ущемления прав человека я в этом не вижу.

Требуем же от хирурга диплом, прежде чем допустить его резать человека, а голосовать — допускаем кого угодно.

Кому все это нужно — идентичность, национальные идеи, национальный миф?

Конечно, никому не нужно. Но у меня есть двое приятелей, тоже писателей, которые уже 30 лет как стонут. Один говорит: дайте мне один свободный год, освободите меня, и я напишу гениальный роман. Если бы его посадили в шарашку, он, возможно бы, и вправду написал. Но он все работает и работает, а писать гениальный роман ему некогда. Другой мечтает: дайте мне 2000 долларов, чтобы не приходилось зарабатывать на семью, и я напишу свой роман.

И 30 лет подряд я не могу им объяснить, что роман пишется не потому, что есть свободный год или 2000 долларов, а потому, что в голове есть роман. Когда роман есть, тогда появляется и свободный год.

Точно так же обстоит дело с идентичностью, национальной идеей и национальным мифом. Не нужно ждать социального заказа. Президент такого не закажет, глава правительства не закажет. Нужна группа людей, которые сядут и сделают.

Конечно, национальная идея может явиться как откровение, но от этого не перестанет быть авторской. Какая разница, в результате чего родился протестантизм — было ли у Лютера откровение или произошла, выражаясь красиво, возгонка когнитивных доменов средневековья. Все это уже очень долго варилось в дискуссиях на богословских факультетах, но потом пришел один человек и сформулировал идею четко.

И если мы хотим иметь свою национальную идею, — давайте ее делать.